

Владияр – чужой для тусовки Кобзона

СЕРДИТЫЙ СОБЕСЕДНИК

Этому исполнителю, похожему на былинных богатырей русских, подвластно если не все, то очень многое – оперные арии и русские народные песни, старинные романсы и шлягеры из мюзиклов и кинофильмов, зарубежная классика и русская духовная музыка. О его голосе говорят, что он соткан из раздолья русских рек, простора полей, шелеста дубрав и щедрости русской души. Что голос этот врачует и очищает душу слушающего.

В минувшие выходные мощный бас певца звучал на празднике Переславского района в Берендееве – в селе, которое и подарил миру этого исполнителя с ярким и звучным сценическим именем – Владияр, сложным из первых букв имени и фамилии: ВЛАДИМИР ЯРОВИЦЫН. После концерта мы побеседовали с ним.

– Владимир Николаевич, а как правильно называется ваш голос?

– Чаще всего его называют бас-контанте. Некоторые коллеги считают баритоном, потому что у меня есть довольно высокие ноты. Обычно для баса уже фа – проблема, я же свободно беру соль. Например, пел Томского в «Пиковой даме», это баритональная партия.

– Исполнителей, поющих и русскую народную песню, и романсы, и мюзикл, – единицы. Тем не менее вас очень редко можно услышать сегодня.

– Несмотря на мой голос, я не могу найти работу. В концертных организациях, у администраторов Москвы, да и в целом по стране стоит табу на имени Владияра.

– А кем оно наложено?

– Ну кто у нас певец всех времен и народов? Кто управляет певческой культурой сегодня?

– Разве не министр культуры?

– Министр культуры занимается театрами, а певческой средой управляет Иосиф Давыдович.

– Какое отношение имеет к серьезной музыке эстрадный певец?

– Кобзон – председатель комитета по культуре Госдумы. Полагаю, эта величина гораздо большая, чем министр. О его отношении к себе узнал совершенно случайно. Кобзон, увидев меня в числе выступавших на одном из концертов, сказал: «Чтобы в последний раз видел Владияра на наших тусовках». Это услышала моя жена, с которой он, конечно, не был знаком. Как-то был юбилей у одного известного артиста (не буду называть его имя), и он сокрушался, что некого пригласить: один певец на гастролях, другой заболел. Я тут же позвонил ему: «С удовольствием спою

на вашем юбилее». На что он ответил: «Ну, понимаешь... Это же не я решаю». А кто?! Чей же это юбилей тогда?

– Значит, сегодня у вас нет постоянной работы?

– Нет. По приглашению ныне покойного Колобова я работал в течение двух лет в его театре «Новая опера». Затем с Казанским оперным театром выезжал на гастроли в Голландию, Францию, Швейцарию, Данию. А последний раз выходил на сцену 26 июня – на закрытии сезона в Астраханском музыкальном театре. Пел Бориса, это последняя радость в моей жизни была. Отработав 25 лет на сцене, я даже пенсию сегодня не получаю. Отдал в Ярославскую филармонию свою трудовую книжку, она провалялась там в отделе кадров, какие-то данные не были вовремя занесены в компьютер – и я остался без пенсии. Более того, вообще нигде не могу оформить трудовую. Обращался в Москонцерт, в Московскую филармонию – везде какие-то странные отговорки... Так что единственный, по-моему, выход остался – уехать из России.

– Не жаль? Родная земля все же...

– Хорошая, добрая земля, красивая страна. Но люди скверные. Не знаю, с чем это связано. Наверное, с тем, что живут не по заповедям Божиим. Иначе были бы сыты, радовались жизни, любили друг друга.

– Вы при этом говорите не только о власти имущих, как я понимаю.

– Конечно. Я говорю обо всех. Вот у нас в Берендееве рядом с футбольным полем – развалины. В этом здании был такой спортзал! Тир – великолепный! Все разгромили, даже забор разнесли. Кого обокрали? Своих же детей и внуков! А потом будут говорить: вот хулиганья полно, потому что молодежи заняться нечем. Конечно, нечем. Где волейбольная площадка? Баскетбольная? Где великолепные гаревые дорожки, по которым, я помню, бегал, когда учился в школе? Это к разговору о народе. Завистливый народ, а самое страшное – вороватый. Словно не понимают: украдешь на пять рублей – потеряешь на тысячу. Это закон. Не бери не свое,

тогда и будет в твоей жизни все нормально.

– Других вариантов, кроме как уехать, вы не видите?

– А как жить, когда нет ни завтра, ни послезавтра? Сажу и жду – вдруг будет звонок, будет работа. Пока в какой-то мере выручает продажа моих дисков. Но даже дом, в котором родился, я не могу привести в порядок, нет на это денег. А не

указание – не помогать. Знаю, что в «тусовке» говорят: «Это не наш человек». А кто для них «наш», непонятно.

– Но обычные люди хотят вас слушать, им вы нужны. Это же очевидно.

– Иногда даже рекламы никакой нет, а зал полный. После выступлений люди подходят, говорят: когда вы поете – просто мурашки идут по коже. Пла-

роговоркой протараторил: «Да! К сожалению, не нужен», – и побежал дальше.

– Но на концерты вас иногда приглашают?

– Приглашают. В декабре Саша Морозов звал на свои концерты, но я отказался в них петь. Очень странная была ситуация. Думаю, хотели морально меня добить. Продемонстрировать, что я давно уже вышел в тираж. Можно ведь запросто уничтожить любого певца. Подсунуть, например, ноты в другую тональности.

– Вы ждали даже такого?

– Я ждал всего что угодно. Можно, конечно, считать это уже паранойей. Но дело в том, что Саша на целый месяц куда-то пропал, потом позвонил, сказал: аранжировка делается. Как делается?! Мы даже не определили, в какой тональности я буду петь! Так не бывает, чтобы без проб аранжировать песню. Я отказался так работать. Звал он меня и в свой театр. Пообещали мне, как известному артисту, платить двести долларов в месяц... Да у нас всякая шпана типа «Блестящих» меньше чем за штуку (причем – каждой) на сцену не выйдет! А начинающие певцы в их театре получают по сто...

– У вас нет ощущения, что задача «шпаны» – усиленно навязывать «дребедень, чтобы потом проще было ее продавать?

– Это не ощущение, все так и делается, причем специально. Такова политика властей. Ну как такое может быть в России: русская музыка вообще не звучит ни на телевидении, ни на радио? Выдается за нее суррогат. Взять, например, Бабкину и ее коллектив «Русская

дом с ним – загс, и служащая загса, узнав, зачем я пришел, сказала: «Так вам надо ехать в Ярославль. Данные наверняка там хранятся. Ведь Кострома – это же Ярославская область». – «Да вы что?! Это Костромская область». – «Не-ет! Ярославская», – стала доказывать она. Какие вкусы у такой публики, как вы думаете?

– По-вашему, в России в ближайшее время ничего не может измениться?

– Я думаю, будущее у страны есть только в том случае, если к руководству придет истинный Божий человек.

– Ну это какое-то извечное русское упование на царя-батюшку. Доброго и справедливого.

– Нет, дело не в этом. Нужен руководитель, который бы понимал, что необходима государственная политика в сфере культуры. Сегодня богатейшие люди готовы платить сотни тысяч долларов за выступление трех девочек из какой-нибудь шоу-группы не может стоить столько, значит, их пользуют потом за эти сто тысяч. Платить за одни лишь пританцовывания под «ой, лели-лели» никто не будет. А эти девочки в лучшем случае закончили музучилище, вокалистов с высшим образованием на эстраде почти не осталось. Сегодня большинство артистов вообще не считают нужным развивать свой голос. Зачем? «Фабрика звезд» и так наштампует «певцов». Потом выбросит, как жмых, и новых наштампует.

– Не значит ли это, что сами люди должны задуматься: что они слушают, за что платят деньги, как и зачем вообще живут?

– Не всегда можно объяснить, да и не каждый захочет об этом думать. А ведь наше существование – это борьба между Богом и дьяволом. И дьявол не менее силен, чем Бог. Наркотики, террор, музыка абсолютно никакая – это все происки дьявола. Поэтому и не дают развиваться талантам, поэтому и армия у нас в загоне, экономика в загоне. Чтобы люди упали как можно ниже по своему духовному уровню. Посмотрите, например, на нашу Думу. Я считаю, это просто дебилы, хотя у них по несколько образований, они владеют иностранными языками, но они дебилы по своему духовному состоянию.

– А жизнь человеку дана как испытание?

– Земная жизнь – это война. Здесь мы все на войне, мы воюем за нашу душу. Ее хотят убить, а ты пытаешься отвоевать ее. И не только отвоевать. Душа должна не просто жить, она должна развиваться, становиться шире, добрее...

Лариса НИКОЛАЕВА.

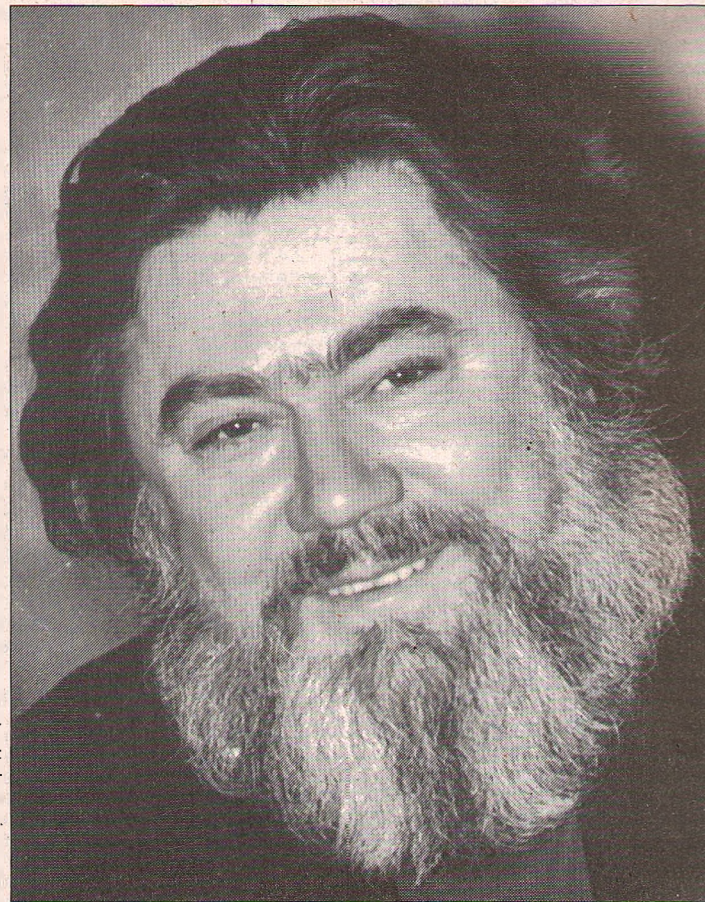

Фото из архива редакции.

уехал до сих пор только потому, что хочу записать диск с духовной музыкой и пару дисков с западной и русской оперной классикой. На Западе я их не запишу, потому что наверняка не найду денег. Хотя и здесь их очень сложно найти.

– Но у нас много обеспеченных людей, некоторые из них иногда вкладывают деньги в культуру.

– Мне помогал в свое время «Лукойл» и еще приятель один. Но когда при этом дают понять, что три тысячи долларов за аранжировку – чересчур дорого... О чем говорить? Три тысячи за семнадцать(!) вещей, записанных с хором и оркестром. На самом деле это почти даром. Я не хочу никому доказывать, что не беру лишних денег, просто прекращаю отношения с такими людьми, и все. Лично знаком с миллиардером Мордашовым, генеральным директором «Северстали», встречался как-то с Алиперовым по его же приглашению... И – ничего. Думаю, есть

Владияр родился в 1948 году в селе Берендееве. После школы окончил Рижское летно-техническое училище. В 1978-м получил диплом оперного солиста Латвийской государственной консерватории. Кочевая жизнь артиста включала Москву, Ленинград, Ярославль, Томск. Сотрудничал с ансамблем «Дружба» А. Броневицкого и с варьете Дюссельдорфа, выступал в лучших оперных залах Франции, Швейцарии, Голландии и в провинциальных ресторанах. Среди исполненных партий – Алеко, Томский, Варлаам, Хованский, Базилио и высшая ступень для баса – партия Бориса в опере Мусоргского «Борис Годунов». Голос Владияра – почти в три октавы – по достоинству оценили на Первом международном конкурсе басов имени Ф. И. Шаляпина, где он стал лауреатом.

чут, если умирает мой герой. Но с годами забывают любого артиста. Пока мелькаешь на экране – приглашают. Перестал мелькать – все. К сожалению, у нас певец тот, кого по ящику часто показывают. Вот пригласил меня Илья Глазунов на юбилей своем петь. А после концерта подбегает Караулов: «Спасибо вам! Спасибо! Великолепный голос!» Я говорю: «Только голос этот в России не нужен никому!» Он, абсолютно не меня интонации, почти ско-

песня». Но это же не русская песня! Это стилизация. Да, она имеет право на существование. Но еще есть классика. И где ее услышишь?

– Иногда на канале «Культура». А что вы думаете о вкусах сегодняшней публики?

– Вкус испорчен напрочь! Да что вкусы... Я тут зашел в архив Переславля. Давно хочу поднять историю своих предков. Знаю, что мой дед и бабушка из Костромы и отец там родился. Архив был закрыт, а ря-